

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

С.Д. Поляков
Воздух, птицы и лаборатория
(рассказ-быль)
89 - 96

ВОЗДУХ, ПТИЦЫ И ЛАБОРАТОРИЯ (РАССКАЗ-БЫЛЬ)

С.Д. ПОЛЯКОВ

В старой, с набивкой, толстой тетрадке, нашпигованной словами, эпизодами, информацией и персонажами, не оказалось главного, того, что составляло для меня значительную и наиболее важную часть тех лет: Лаборатории.

Но может быть так и должно быть. Лаборатория для меня, для нас, была тем воздухом, которым дышат и не замечают ...

А ещё нас любили птицы!

Зимой через открытую фрамугу залетал снегирь, весной в лаборатории чирикали воробьи, летом на подоконник с Москвы-реки прилетали на минутку-другую ласточки, осенью же все перелётные птицы Хамовников тренировали свой строй именно перед нашими окнами.

На третий год моего аспирантства начальство института придумало дежурство. Считалось, что каждый трудовой день недоучившиеся научные работники строго по расписанию будут в своих лабораториях сосредоточенно ждать какого-либо важного сообщения, человека или указания. Но сообщения не приходили, человек как правило тоже, а указания перехватывала наша милая лаборанточка Аллочка и быстренько их реализовывала, радостно и внимательно выстукивая нечто нужное на пишмаше.

Единственному из аспирантского народа кому затея с дежурством была по душе — мне. К сему моменту диссертация моя материализовалась в пятидесятистраничный талмуд, с энтузиазмом потрёпанный и расчихвоенный на «лаборатории» (по другому у нас с диссертациями не бывает), и следовательно ожидала решительного преобразования, перегруппировки, переструктурировки и прочих пере... И как же тут обойтись без ножниц, клея и сочувственного взгляда Аллочки.

Но для этого дежурство должно проходить достойно, тихо, спокойно и бессобытийно. Конечно, позже позвонит Шефиня, пошушукается с Аллой и спросит у меня про кроссовки. История же с кроссовками

требует специального объяснения. Дело в том, что нашей шефине Людмиле Ивановне время от времени дарят разные подарки и подарочки. И если она от них вовремя не увертывается, подаренное быстренько перекочёвывает к окружающему люду. Делается сие решительно и безапелляционно.

— Серёжа, у вас какой размер ноги? ...Ага. Возьмёте кроссовки, вот эти, и попробуете поносить.

— Людмила Ивановна! ... Но это же Адидас!

— Не знаю, какой там ададас, но мне они не нужны, а вы попробуйте, попробуйте.

— Они же стоят!..

— Не знаю, сколько стоят — не покупала. И вообще, Серёжа. Я же вам не продаю и даже не дарю. Поносите, не понравится — ещё поговорим. А старших, между прочим, надо слушаться.

«Старших надо слушаться» — это её фирмовое. Разговаривать после такого заключения с Шефиной бесполезно.

Две недели я не решался пустить подарочек в ход. Но, наконец, решился. Кончилась история с адидасами быстро и плачевно: на второй или третий выход попал я под жуткий ливень, а потом, большого ума человек, просушил эти адидасины над электрической плитой и на солнечном подоконнике. Знаменитая заграничная обувь такого издевательства не выдержала: растаяла и кончилась. И теперь я придумываю, как бы об этом Людмиле Ивановне рассказать обтекаемо — если спросит.

Ещё одна история — про японский зонтик, ярко-синий с красными восточными цветами, многократно складывающийся и раскладывающийся. Даже для Москвы тогда редкость.

Зонтик кто-то подарил Шефине прямо на крыльце нашего института там, где знаменитая выщербленная, третья снизу, ступенька, по слухам невыдержавшая в прошлом году солидности и тяжести директора соседнего НИИ.

— Мальчики, — сказала Людмила Ивановна, появляясь в лаборатории, — разберитесь — этот зонтик у меня не открылся.

В лаборатории в данный момент присутствовало трое «мальчиков»: я, Толя Буданов и Анатолий Мудрик. Спасать зонтик и Шефины в ближайшие минуты в планы Мудрика не входило, и он быстро ретировался по срочным делам «в библиотеку». Отдувался сначала я. Но фокус не удался — японская техника не подчинилась человеку с эмгэпэвским дипломом физика. У Анатолия Буданова диплом был правильнее и идеологически выдержаннее. Историк. И промышленность страны восходящего солнца смирилась — с шестой попытки зонтик раскрылся. Задача «закрывать» оказалась помельче: хватало и трёх попыток. Но Буданов был Буданов — технические проблемы для него, кавээнщика знаменитой команды МГПИ, были только первой ступенькой для диверсификанта. Людмилу Ивановну в зрители завлечь не удалось, и Толя под восхищенные взгляды Алочки, меня и появившейся Маргариты «пошёл». Для начала он прошептал по лаборатории чарличаплинской походкой, ловко расшвыривая зонтом стулья и папки с бесценными материалами, потом изобразил сентиментальную мадам и её кавалера, ну никак не желавших попасть под дождь, наконец, на арене появился лев, питающий несомненную антипатию к далёковосточному предмету, который почему-то не давался ему в руку, то есть в лапу. А так как все эти движения сопровождались многочисленными действиями с зонтиком: раз — сложиться, два — сложиться, а тте-перрь раз-крыть-сся, то японская промышленность не выдержала такого интенсива — зонтик крякнул и застыл в полуоткрытом состоянии. Конечно, именно в этот момент вошла Шефиня и спросила: «Ну, как, мальчики?»

В качестве искупления Толя сочинил трогательный стишок про путешествие японского зонтика из родной Йокогамы в холодную Россию, про то, как он, зонтик, долго плакал, не желая покидать родину, и как он оказался прав...

...С нравом Людмилы Ивановны я впервые познакомился в первый год своего аспирантства, когда пришла пора сдать кандидатский по английскому. Мой английский на тот момент хромал сразу на три ноги, и ни потому что я уж так был к нему не приспособлен, а из-за погруженности в другие, вроде бы научные, миры. На экзамен я всё-таки пошел (то ли из-за какой-то, непонятной мне самому, инертности, то ли, наоборот, из-за самоуверенности типа «авось»).

Когда же увешанная заграничными побрякушками «англичанка» положила на стол текст для перевода, задача, стоящая передо мной, прояснилась — любым способом и побыстрее слинять с мероприятия. Это оказалось совсем не трудно. Отпросившись на минуточку и прихватив зачем-то текст, я аккуратно закрыл дверь экзауционной комнаты и помчался посредством метро и троллейбуса в альма-лабораторию (кстати — зачем?). В лаборатории я налетел, конечно, на Шефиню. На её разумный вопрос: «Ну, что, Серёжа, сдал?» ответил маловразумительным «Да, нет, в общем-то, вот уехал — хотел успеть на заседание...» (которого в этот день и не предвиделось).

— Так, всё ясно, — сказала Людмила Ивановна «определённым» голосом — возвращаешься и сдаёшь.

— Да я там...я же... вот текст — ничего не переведу...потом... А вот сейчас я... -

Моё бормотанье было соответствующе понято и проинтерпретировано:

— Ах текст! Валя, разберись-ка.

Валя, с большим любопытством наблюдавшая за разворачивающейся мизансценой, забрала у меня листочки и сказала: «Пошли». Валя вообще-то не «англичанка» — «немка», но в данный момент это не имело никакого значения. Людмила Ивановна знала: Валя — человек, способный организовать всё, что надо и как надо. Через двадцать минут с переведенным текстом под общее одобрение всех присутствовавших в лаборатории я был провожен и провожён на «дело». Кандидатский сдал на «хор»...

...Другая история, «министерская», случилась недавно. Людмила Ивановна отправила на задание: в министерство, на семинар практиков, рассказать, что я наисследовал (как-никак третий год аспирантуры и первый вариант диссертации на столе в папочке). Ну, я и рассказал. Хорошо рассказал и на вопросы прилично отвечал, в стиле: «знаем», «сейчас объясним», «это же понятно», «мы учёные»...

Агентурная связь у Шефини работала прекрасно. Первая фраза, которой она встретила меня, гордого и воодушевленного, была такова: «Ну, что, Серёжа, значит «мы учёные»? Может про тебя это и так, но про себя бы я не рискнула так сказать...»

Крепко вдарила...

... — Серёжа, а как вчера Ле Сон? — это Аллочка вмешалась в мои воспоминания.

Да, Ле Сон, наш вьетнамский товарищ Ле Сон, невысокий, стройный, смирный — прямо классический вьетконг, вчера защищался. Защита как защита, что-то про бригады школьников на берегах Кубани и Меконга, только с акцентом и со страховкой переводчика.

Ле Сона в лаборатории мы видели не часто, но почему-то любили — наверно, за аккуратность и доверчивость. Так вот, защита как защита, но потом свершилось застолье: водка с особенным юго-восточным ароматом, красивые жёлтые гитары и необыкновенно мелодичные песни.

— Ле Сон, о чём песни?

Ле Сон что-то лопочет в ответ и переводчик переводит: «Красное солнышко Хо Ши Мина поднимается над Вьетнамом». Высокий и рыжий американец Чарльз (по-народному Чарлик), стажирющийся у нас в лаборатории, вздрагивает и ставит стакан с водкой на стол. Чарлик в лаборатории уже третий месяц поражает всех странным сочетанием деликатности и развязности: по-русски и по-американски сто раз извинится, прежде чем спросить что-либо, но очень громко хохочет, хлопает не слабо по спине и пытается рассказывать калифорнийские

анекдоты, которые мы не понимаем. Чарльз, как и Ле Сон, наша экзотика. Мы гордимся Ле Соном и гордимся Чарльзом. Ни в какой другой лаборатории нашего НИИ, а может быть, и Советского Союза, такого сочетания не встретишь. Держатся наши любимцы друг от друга на приличном расстоянии: вежливо кивают, изредка говорят по-русски «здра-фствуй-те», но, по моим наблюдениям, так ни разу друг другу учёного слова или простого предложения не сказали. Вот и сейчас, в застолье, Чарлик устроился на самом дальнем краю от Ле Сона.

Что поделаться — 1974 год...

Но с утра, до защиты, было ещё событие: обсуждение материалов Газмана. Олег выложил перед внимающей публикой очередную порцию небанальных суждений, примеров, расчетов и доказательств. Как всегда у Олега всего помногу и Тимофеич с полоборота завёлся: «Это надо убирать, это и так все знают, а вот это расписать на целый параграф». Людмила Ивановна, конечно, начинает спорить. Олег вертит головой налево-направо. А мы слушаем пикировку Шефини с Тимофеичем и млеем — для нас, салаг, это невероятное удовольствие. Людмила Ивановна напориста, умна и определённа. Тимофеич чередует посасывание пустой трубки с парадоксальными, не всегда понятными речениями. Олег пытается что-то вставить. Но куда там! В какой-то момент Шефиня замолкает и, резко обернувшись к народу, вопрошает: «Ну, кто что по этому поводу думает?». Первой говорит Маргарита. Её голос совсем ненапористый, чистенький и напоминает колокольчик. Народ как-то сразу смягчается, отходит и готов теперь говорить по делу. Олег перекладывает туда-сюда бумажки и, хотя и молча, весьма включено реагирует. До него вот-вот дойдёт очередь, но тут во фрамугу влетает птичка и начинает что-то выклёвывать на Олеговых листочках.

Народ столбенеет...

... Позавчера же у Наташе на Краснопресненской отмечали 9 мая — только нашенькие. Пили красное вино и немного водки. Говорили о пустяках, сплетничали об институте, старшие вдарились в воспоминания, но войны не касались. Как-то Тимофеич сказал, что война — это опыт, но не ценность, и Илья Борисович его решительно поддержал. Про нелегкий путь Ильи Борисовича (окружение, наш лагерь) и про награды Тимофеича мы узнавали не от них.

Наташа достала гитару, и как-то незаметно перешли к песням. Спели, как всегда, «Виноградную косточку» и «На смоленской дороге». Потом Толя Буданов исполнил «по просьбе трудящихся» фольклорное-лабораторное. И вот тут гитару взял Олег и спел новое...

*... Сорокалетних мы считали старыми,
Отжившими, отпевшими и бывшими...
Воспринимали только их усталыми,
Не понимающими нас и отлюбившими.
Года, года уходят навсегда,
Как талые снега уходят в мае,
Уходят в никуда, и мы с тобой тогда
Их истинную ценность понимаем...*

...Расхотелись, когда московское небо стало фиолетовым и только там, в направлении Садового кольца, ещё светилась малиновая полоска заката. Я, нагруженный пакетами с книжками и бумагами, провожал Людмилу Ивановну. На первом этаже уютной пятиэтажки нас ждало лохматое очаровательное существо — Юка, с преданным взглядом и щефиниными тапочками в зубах. Из своей комнаты вышла маленькая старенькая мама Людмилы Ивановны, как всегда с «Литературкой» в руках. «Серёжа! — сказала мама Шефини — что они едят! Я так им и откомментировала: «Чушь!». Какая-то статья незадачливого журналистского аса была перечёркнута большим крестом, поверх которого слабенькой рукой было выведено это

самое слово — «чушь». «Да, верно», — поддержал я главного аналитика этого дома, и мы все, в сопровождении Юки, пошли на кухню пить чай с абрикосовым с косточками вареньем и что-то там договаривать про мою диссертацию.

Я шёл от Шефины к метро, и в московской ночи попискивали какие-то поздние птицы (что-то в этом мае их много развелось по Москве). Я шёл от Людмилы Ивановны и вспоминал поездку в Эльву, где эстонские велосипеды уютно гнездились у деревянной двухэтажной гостиницы, шел светлый сентябрьский дождь и уникальный Хейно Лийметс попеременно с Людмилой вели заседание симпозиума про воспитание и общение. Дело происходило в просторном помещении базы сборной СССР по стрельбе, и Лийметс каламбурил на эту тему: «Капитан Лийметс, сборная Эстонии, отстрелялся. Полковник Кон, ваша очередь...»

Хейно Лийметс, приводящий примеры и аргументы из финской, немецкой, австрийской педагогик, Игорь Семёнович Кон, в окружении ленинградской и московской психологической молодежи, только что закончивший непривычное для академического научного уха исследование юношеской дружбы, академик Петровский в разгар пропаганды своей концепции деятельностного опосредствования отношений, материализовавшаяся челябинская легенда, в Союзе пока ещё малоизвестный школьный директор Караковский, кто-то из философов-системщиков группы Эрика Юдина, невысокий, с взглядом обращенным к мироустройству, — это и был внешний механизм лаборатории, те воздуходувные социологические, философские, психологические машины, позволяющие нам, тогда, в семидесятые годы, принимать как естественность, как данность, западную диковинку теории организаций, переведенную для внутрилабораторного пользования книжку Джонсона о классе как малой группе, письмо новосибирца Шарова о типологии старшеклассников, уже значимые для нас имена Берталанфи, Джорджа Мида и ещё официально не вернувшихся в педагогику Пистрака, Моисея Рубинштейна, Константина Вентцеля.

Поток этих сил, этих влияний, соединяясь с весёлым тактичным ехидством Мудрика, доброй иронией Вали, искрящейся парадоксами трубкой Тимофеича, жизненным опытом Ильи Борисовича, лиризмом Маргариты Дмитриевны, легкомысленной сатирой Буданова, мягкой красотой Алочки, и порождали то невесомое пространство, дух и душу Лаборатории, поддерживаемые множеством видимых и невидимых нитей, взглядов, прикосновений концентрирующихся, сосредотачивающихся на нашей Шефине.

На следующий день Людмила Ивановна объявила педагогическую экспедицию на Ставрополье... Жизнь продолжалась, и неугомонные весенние птицы подтверждали: «На йюк, на юг...».

КОММЕНТАРИЙ И ПРОТОТИПЫ

1. Лаборатория — лаборатория воспитательных проблем школьного коллектива НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР
2. Время — 1973–1976 годы.
3. Людмила Ивановна, Шефиныя — Людмила Ивановна Новикова, тогда ещё не академик, ни доктор, ни профессор; неформальный и формальный (заведующая) лидер лаборатории.
4. Тимофеич — Александр Тимофеевич Куракин, старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук; по мнению лабораторской молодёжи личный генератор идей, критик и эрудит при Людмиле Ивановне.
5. Мудрик — Анатолий Викторович Мудрик, ещё кандидат наук и младший научный сотрудник (ныне член-кор РАО, профессор и доктор), умница, склонный слегка к эпатажу и вербальной эквилибристике. Лидер молодых.
6. Валя — Валентина Ивановна Максакова, кандидат наук, младший научный сотрудник, написавшая диссертацию на совершенно невозможную для семидесятых годов тему:

о развитии творческой индивидуальности. Впрочем, в лаборатории Новиковой было возможно всё или почти всё. Валя — моральный камертон молодёжи

7. Толя Буданов — Анатолий Валентинович Буданов, вот-вот напишет диссертацию о развитии малых групп и перевоплотится, несмотря на свой шуриковатый вид, в офицера и преподавателя Академии МВД.

8. Маргарита — Маргарита Дмитриевна Виноградова, кандидат наук, старший научный сотрудник. Ещё на заре шестидесятых утверждала значимость личности не меньшую, чем значимость коллектива, и в семидесятые не думала отступить от сего утверждения. Валя Максакова писала диссертацию, конечно, у Маргариты Дмитриевны. Спелась!

9. Илья Борисович — Илья Борисович Первин, старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук. До войны учился в передовой наркомпросовской школе имени Радищева, о которой сохранил самые светлые воспоминания. Носитель последовательного деятельностного взгляда на педагогические реалии.

10. Ле Сон — Ле Сон, вьетнамский аспирант Людмилы Ивановны. В лаборатории его видели не часто, но почему-то симпатизировали. Как все вьетнамцы (в представлении русских) невысок, худ, строен.

11. Чарлик, Чарльз — американец Чарльз, стажировавшийся в лаборатории, правда, года за два до описываемых событий. Поэтому его «дуэт» с Ле Соном — выдумка автора.

12. Газман, Олег — Олег Семёнович Газман, когда-то ученик знаменитого Сталя Шмакова, один из лидеров «Орлёнка» шестидесятых годов. Вторая, после Мудрика, в те годы, симпатия Людмилы Ивановны. В будущем Олег станет известен обыкновенно-необыкновенным лагерем «Маяк», «ниспровержением» воспитания в годы перестройки, член-коррством РАО и открытием (по другой версии переоткрытием) экзотической педагогики педагогической поддержки.

13. Аллочка — Алла, лаборант лаборатории. Двадцать лет, карие большие умные глаза; правильный овал лица, обрамлённый темным эллипсом волос; ас машинописи. Главная функция Аллочка, по Людмиле Ивановне, — украшать лабораторию. Алла справлялась с этим блестяще и без усилий.

14. Юка — Юка, собачка Людмилы Ивановны; милейшее существо, интеллигентно тявкает и слушается хозяйку.

15. Быль-рассказ — жанр произведения, в котором все события и персонажи реальны, но могут быть переакцентированы и передвинуты во времени-пространстве.

16. Наташа — Наталья Леонидовна Селиванова, тогда аспирантка, в настоящее время доктор, профессор, сменившая Людмилу Ивановну на посту заведующей Лаборатории.

ЗАМЕТКИ О ЛЮДМИЛЕ ИВАНОВНЕ НОВИКОВОЙ

1968

Людмилу Ивановну я впервые увидел в 561-й школе, на окраине Москвы, где тогда экспериментировали с разновозрастными отрядами по месту жительства.

Я и Люда Горбачёва, студенты МГПИ, только что сделавшие в красноярском стройотряде свой лагерь для местных ребятишек и ужасно гордые этим, узнали от Анатолия Мудрика (гостя институтского клуба вожатых) про необычную школу с разновозрастными отрядами, в которой к тому же работали бывшие вожатые «Орлёнка». Этого было достаточно, чтобы мы (оба бывшие в «Орлёнке» в школьные годы) стали на общественных началах участвовать в школьных делах. То, что школу курирует ещё какая-то научная лаборатория, я узнал не сразу, а когда узнал, не очень-то заинтересовался. Педагогика как наука была для меня тогда пустым и никчемным делом.

Но вот как-то лаборатория, как я теперь знаю, она называлась в то время «Коллектив и личность», устроила в школе выездное заседание. И мы, я и Люда, почему-то оказались на нём.

Заседание вели два человека: мужчина с копной русых волос и высокая женщина, как-то очень гармонично сочетавшаяся со всей этой ситуацией: со школьным кабинетом, где мы заседали; с теми научными словами, которыми она начала говорить; с присутствовавшими учителями и с сопровождающими её учёными коллегами. Люда, которая знала всегда обо всём немножко наперёд, шепнула, показывая на высокую женщину: «Это Новикова Людмила Ивановна — руководитель, а это — показала на мужчину — Куракин Александр Тимофеевич». Так я увидел и услышал Людмилу Ивановну, именно увидел, а не встретился. Никакого разговора и даже просто личного знакомства не было — встреча и разговоры отодвинулись на пять лет. А вот то первое впечатление адекватности Людмилы Ивановны ситуации, обстоятельствам, в конечном счёте себе (а сейчас, через тридцать пять лет, понимаешь — и постоянной гармонии со своим возрастом) сохранилось на все эти годы. Из выступлений же Новиковой и Куракина на том заседании запомнились не какая-то педагогическая канва, мысль, а отдельные, необычные для меня, детали и примеры: оказывается, 80 процентов информации человек усваивает через зрение, а человеческая коммуникация (это слово тогда, в 1968 году уже проносилось) похожа на игру в пинг-понг. Как я узнал позже, эти годы были временем проникновения в лабораторию «Коллектив и личность» непривычных для педагогики тех лет тем общения, коммуникации, социальных связей. Людмила Ивановна и Александр Тимофеевич, вероятно, искали примеры, метафоры, факты, подтверждающие значимость для себя и практики «всплывающих» в лаборатории социально-психологических понятий и концепций.

Через год я закончил институт, уехал работать в дальние края, но возможность каких-то отношений с лабораторией сохранялась: в летние наезды в Москву я общался с бывшими воспитателями 561-й школы, прежде всего с Анатолием Мудриком и Валентиной Максаковой. Но чтобы в этом общении появлялась тема лаборатории — не помню, может быть, не запомнилось.

Новикова и её лаборатория появились снова на моём горизонте теперь уже в 1972–1973 годах, когда я готовился в аспирантуру и читал соответствующие книжки. То, что буду поступать в аспирантуру в Институт теории и методики воспитания, где и работала в это время группа Л.И. Новиковой, было для меня само собой разумеющимся, так как стимулировал мой разворот от практики к науке, работавший тогда уже у Новиковой Мудрик.

1978

Докторскую диссертацию Людмила Ивановна защищала в Ленинграде. В Москве отношения верхов Академии педагогических наук с лабораторией и её лидером были всегда сложными, отягощёнными идеологическими, личными и бюрократическими обстоятельствами. Питер в педагогике чуть-чуть дистанцировался от столичных коловращений, да и новиковцев воспринимали в герценовском пединституте в общем-то дружески.

Людмила Ивановна защитилась, и уже в Москве состоялись домашние посиделки для своих, лабораторских. Из питерцев была, волею случая, замечательная Фаина Яковлевна Шапиро — руководитель в шестидесятые годы знаменитой Фрунзенской коммуны, а в семидесятые — организатор внеклассной работы весьма известной 308-й ленинградской школы. За столом сопровождавшие Людмилу Ивановну весело вспоминали «защитные» сюжеты вперемешку с вокругнаучными слухами и новыми идеями. А в конце застолья Александр Тимофеевич поднял бокал и сказал: «Ну что же, за среду!». «Среда» была новым веянием в лаборатории. Людмила Ивановна и Куракин всё чаще говорили о воспитательной, воспитывающей среде, и на горизонте уже был Юрий Мануйлов из Кустаная, в дальнейшем осуществивший весьма последовательно такое исследование.

И ещё про оранжевый горшочек. У Людмилы Ивановны в тот год была не только защита, но и юбилей. На дне рождения я не был, но хотелось поздравить и что-то особенное подарить. Оранжевый чугунный горшочек, обнаруженный на дальней полке ульяновского

магазина, и стал таким подарком, потом долго функционировавшим в кухонном пространстве квартирного мира Новиковых.

1985

В этот год прошла последняя в истории новиковской лаборатории эстонская встреча. В уютном старом Таллине организаторы конференции потчевали гостей в первый день работы какой-то необыкновенной простоквашей в обрамлении чёрного хлеба и полевых цветочков, а во второй — вкусным кофе в изящных, как раскрытые лилии, чашечках.

Уже дул ветерок перестроечных настроений и в конференции участвовали многие будущие участники педагогических баталлий: только что принявший «Учительскую газету» большой, уютный Владимир Фёдорович Матвеев; ещё юный, рассказывающий всем про свой дидактический театр и вроде бы собирающийся в аспирантуру Александр Адамский; директор Института общей педагогики, куда в 1981-м перешла Новикова; похожий на Жюль Верна Борис Гершунский (через год — антипод Матвеева); один из будущих идеологов эстонского педагогического движения, интересующийся всем на свете — от социологии средств массовой информации до инноватики и теории «домашнего очага» — Юло Вооглайд; соавтор врезавшегося в педагогический мир на следующий год манифеста «Педагогика сотрудничества» Владимир Абрамович Караковский...

Были и другие небанальные личности: хипповатый толстяк — психолог Вольдемар Колга, может, единственный человек в Союзе на тот год, разбирающийся в когнитивных стилях; высокий русский философ Борис Юдин, с медленными жестами и словами (Юдин рассказывал про этические проблемы биологии, и Людмила Ивановна почему-то считала для педагогической конференции это очень важным) и, конечно, одновременно экспрессивный и дипломатичный Лийметс.

Таллиннская встреча 1985 года была пятым или шестым новиковско-лийметским научным мероприятием — и, вероятно, последним. Хотя отношения поддерживались и позже, но в 1989 Хейно Йоханович Лийметс умер. Почти одновременно перевернулась политическая ситуация и широкие потоки московско-эстонских интересов и симпатий сжались до прерывистого тонкого ручейка.

1990

Там, в Таллинне, Людмила Ивановна и начала разговоры со мной про докторское писание. Я отмахнулся. Но разговоры продолжались при каждой новой встрече, и лет через пять я «дозрел».

Мы гуляли с Людмилой Ивановной и Баськой, сменившей Юку, по апрельскому, ещё окончательно не отошедшему от зимы, лесу. Баська радостно носилась по кустам, время от времени притаскивая к ногам хозяйки какие-то палки. Людмила Ивановна говорила о московских политсобытиях, чем были тогда увлечены все москвичи, называла будущего, может быть, уже и действующего мэра Гавриила Попова бульдогом Гаврюшей, а популярного в те дни Станкевича щеночком при Гаврюше, параллельно убеждая меня всерьёз и основательно разобраться с «коммунарской методикой» и писать на эту тему диссертацию. Меня же «коммунарская методика» к этому времени уже не очень-то интересовала — гораздо больше меня интриговал вопрос: почему хорошие замечательные педагогические образцы не распространяются или, распространяясь, превращаются чуть ли не в противоположность. Но дело было даже не в теме или вопросе, а в том, что я никак не мог решиться запрячь себя на многостраничную последовательную работу. Однако на этот раз я слушал Людмилу Ивановну весьма внимательно, потому что действовали уже и другие, «домашние», как оказалось впоследствии, иллюзорные, аргументы. В общем, я решился. Но это уже история не про лабораторию Новиковой. Впрочем — не так. Экспертиза диссертации проходила, конечно, через лабораторию Людмилы Ивановны.